

С.А. Репинецкий

Русские либералы о смысле крестьянской реформы
(на материале сборника «Голоса из России»)

Отечественные историки, изучающие проблемы развития либерализма, в основном базируются на рассмотрении либеральных концепций, опубликованных в российских изданиях. Сборник «Голоса из России», издававшийся А.И. Герценом и Н.П. Огарёвым в 1856 – 1861 гг. в Лондоне, до настоящего времени не стал объектом специального изучения.

Поэтому в основу анализа крестьянской реформы 1861 г. в понимании русских либералов положены статьи этого сборника. Их авторство обосновано группой исследователей под руководством академика М.В. Нечкиной и профессора Е.Л. Рудницкой.¹ Между тем сборник представляет особый научный интерес, так как открыто высказать все свои соображения, без опасений за своё будущее, либералы могли только в иностранных анонимных публикациях.

Одной из основных в статьях сборника стала проблема отмены крепостного права. Содержательная часть предложенных либералами проектов была учтена во многих исследованиях, посвящённых реформе 1861 г.² Однако, помимо этого, особый интерес вызывает понимание авторами проектов самого смысла предстоящих преобразований.

Под смыслом преобразований здесь подразумевается их базовое, качественное определение, а так же масштабы и характер их влияния на положение и развитие страны.³ Вопрос об историческом смысле отмены крепостного права и сейчас является дискуссионным в отечественной историографии: преобразования 1861 г. называется то реформой⁴, то переворотом⁵, то даже «революцией сверху»⁶. В связи с этим особую важность приобретает изучение понимания процесса современными ему аналитиками.

При рассмотрении представленных либералами концепций предстоящей крестьянской реформы можно выделить 7 аспектов её восприятия, а именно, авторы рассматривают предстоящую реформу как:

1. Инструмент перезакрепощения крестьян государством. А.М. Унковский, Н.А. Серно-Соловьёвич, а так же анонимный, не установленный автор единодушно указывают на возможность «перезакрепощения» крестьян правительственной бюрократией всех уровней, что приведёт к полному разорению крепостных и их хозяев.⁷ Однако пути решения проблемы у авторов разные: Унковский, например, предлагает свой проект для оптимального проведения реформ⁸, а неизвестный автор объявляет преобразования заведомо губительными и «умывает руки»⁹. Путь установления цивилизованной государственной (взамен варварской помещичьей) администрации на местах – так понимал этот процесс Б.Н. Чичерин.¹⁰
2. Исправление нравственного извращения. Серно-Соловьёвич указывал на необходимость ликвидации крепостного права, в т.ч. и как источник «развращения» дворян.¹¹ Н.И. Тургенев требует создания системы, основанной «...на справедливости и... религии Христовой».¹² Затрагивают этот аспект и другие авторы.
3. Восстановление естественного хода исторического развития – этот вопрос поднят в статьях И.И. Панаева¹³ и Б.Н. Чичерина¹⁴, правда, под диаметрально противоположным углом, так что его можно считать дискуссионным. Панаев утверждает: «История гласит нам: что крепостное состояние не вытекало из народной жизни; что крепостное состояние есть явление недавнее, случайное, вызванное административной мерою...»¹⁵ Единственным доказательством такой позиции служит образцовое «естественное» развитие категории государственных крестьян.¹⁶ Чичерин считает, что в XVI в. установление крепостного права было естественно и правильно,¹⁷ но теперь – в этом сходятся оба автора – сохранение и развитие этого института противоестественно.¹⁸
4. Способ решения социальных проблем. И.И. Панаев видел в реформе средство «сплотить нацию» устранением вопиющего неравноправия различных категорий крестьян и объединением их в единое сельское сословие¹⁹, а Н.И. Тургенев и Н.А. Серно-Соловьёвич – защитить естественные права подданных.²⁰

5. Важный шаг к увеличению престижа и мощи России на международной арене. Этому моменту уделили внимание, главным образом, К.Д. Кавелин, Н.А. Серно-Соловьёвич, Б.Н. Чичерин.²¹
6. Оздоровление аграрного сектора экономики (об этом говорят все авторы).
7. Основа для комплексной реорганизации социально-экономических отношений.

На последний аспект делали особый упор Чичерин, Кавелин, Унковский и Серно-Соловьёвич. Имея в целом западнические либеральные взгляды, они видели «посткрепостническое» русское крестьянство буржуазным, основывающим своё хозяйство на частной собственности и капиталистических принципах.²²

Помимо указанных аспектов, статьи Унковского²³ и Серно-Соловьёвича²⁴ отличаются особой широтой взгляда на смысл предстоящей реформы. Авторы рассматривали её не просто преобразованием ряда сфер жизни общества, а фундаментом для обязательной коренной модернизации всего государственного строя. Реформе придавалось почти революционное значение. Унковский, например, рассматривает реформу как составной элемент прогрессивного развития русского государства. Наличие всех элементов крепостнической государственной системы при отсутствии главного – крепостного права – вызовет угрозу падения режима, который в целях самосохранения будет вынужден пойти на дальнейшие реформы, а именно: судебную, административную, либерализацию социальных и экономических отношений. И «...все эти реформы требуются одновременно».²⁵ Говоря о современном ему кризисе в России, Серно-Соловьёвич отмечает: «Выход возможен только посредством общих, радикальных реформ и он под руками. *Отмена крепостного права есть краеугольный камень великого обновления России*»²⁶ (курсив авторский – С.Р.).

Таким образом, гамма всевозможных трактовок смысла предстоящей реформы в целом становится ясной. Однако остаются неосвещёнными причины выделения авторами статей отдельных аспектов реформы и его картина, с точки зрения принадлежности либералов к определённым направлениям либерализма.

Представители западников – Чичерин и Кавелин – сделали особый упор на социально-экономическую сторону преобразований. Оценить позицию Кавелина в целом по рассматриваемому источнику не представляется возможным, ибо мыслитель не уделил ему особого внимания и разместил в сборниках лишь одну узко тематическую статью «Государственное крепостное право в России». В ней он говорит о реформе и видит её главный (и на страницах статьи – единственный) смысл в замене принудительного труда вольно наёмным. Так автор позаботился о повышении рентабельности производства.²⁷

У Чичерина в сборниках «Голоса из России» размещены три статьи различной тематики. Некоторые исследователи считают их фундаментом идеологии охранительного либерализма и вообще западничества.²⁸ Однако и в них весь упор сделан на необходимость развития экономики на основе либеральных принципов – частной, буржуазной, собственности и капиталистическом способе производства (так же, как у Кавелина).²⁹

Таким образом, западники рассматривали будущую реформу в духе прагматического, охранительного либерализма, как важное социально-экономическое преобразование. Они не пускаются в бесплодные рассуждения о степени соответствия общественных отношений «религии Христовой», как Панаев и Тургенев³⁰, и не планируют далеко идущих политических преобразований с прицелом на конституционный строй, как Унковский и Серно-Соловьёвич³¹.

Их целью, очевидно, становится успешное проведение *первичных* преобразований, направленных на то, чтобы *поставить* страну на путь буржуазного развития. Западники *временно* отказывались от «программы максимум» либерализма (ей остались верны Унковский и Серно-Соловьёвич) ради выполнения «программы минимум», сосредотачивавшейся исключительно в социально-экономической области. Правоту такой «выжидательной» позиции подтвердила и печальная судьба арестованных Унковского и Серно-Соловьёвича.

Именно так оценивал, позицию Чичерина П. Струве, приводя цитату из его письма Герцену: «В обществе юном, которое не привыкло еще выдерживать внутренние бури и не успело приобрести мужественных добродетелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднее, нежели где-либо».³² Именно поэтому и сами западники в эту пропаганду обычно не

вдавались. Бердяев так же указывает, что западники «признавали примат социального над политическим».³³

Изучение позиции Чичерина по данному вопросу может многое дать для понимания точки зрения идентифицирующего этого мыслителя как представителя одного из направлений общественной мысли, ибо данная проблема остаётся дискуссионной. Например, В.Ф. Пустарнаков приводит различные точки зрения на этот счёт: от позиции А. Валицкого и В.И. Приленского, полагавших Чичерина «самым ярким представителем русского либерализма (по крайней мере в XIX в.)», до диаметрально противоположной, не относящей его к либералам, с которой солидаризируется и сам исследователь («он (Чичерин – С.Р.) не вышел за рамки дворянского либерализма, то есть паралиберализма»)³⁴. Существовали так же попытки примирить концепции доминирования консервативных и либеральных начал в учении Чичерина, выразившиеся в уточнении формулировок. П. Струве считал мыслителя адептом «консервативного» либерализма,³⁵ а В. Голиков – «охранительного».³⁶ Единого мнения по данному вопросу не наблюдается.

Аргументация Пустарнакова сводится к признанию необходимости использования исключительно «узкой» трактовки термина «либерализм» как идеологии, основанной на борьбе за свободу экономической деятельности, а так же защиту прав (в политическом смысле) и свобод (в философском смысле) личности при минимальной роле государства.³⁷ Признание любого мыслителя, чьи идеи не отвечают *всем* приведённым параметрам, либералом Пустарнаков считает заблуждением, как, например, в случае с Б.Н. Чичериным, К.Д. Кавелиным, всеми славянофилами и т.д.³⁸

Вряд ли можно полностью согласиться с доводами исследователя и принять его столь «узкий» подход. Большинство учёных придерживается более «широкого» подхода – Пустарнаков это полностью признаёт, называя «размытостью понятия “либерализм”»³⁹. Вероятно, либерализм точнее было бы толковать именно как идеологию, ставящую во главу угла *свободу в принципе* в экономическом, политическом и философском смысле. Слово «свобода» здесь, естественно, нужно понимать относительно – относительно современному мыслителям положению. То есть либерал – это скорее не тот, кто добивается, чтобы жизнь стала *полностью свободной*, а тот, кто ратует, чтобы жизнь стала *свободнее настоящей*.

Если же ставить в центр концепции абсолютную свободу, то это уже анархизм. От анархизма и других идеологий либерализм так же отличается опорой на правовое поле. Интересы личности и общества должны определяться и защищаться не «духом служения престолу» консерваторов и не «революционной сознательностью» или «революционным инстинктом» радикалов, а *законом*.

Свободу так же следует понимать строго применительно к *личности*. Этим либерализм отличен от консерватизма, признающего справедливость закрепощения общества одной личностью, и радикализма, признающего необходимым подчинение личности обществу или группе других личностей (что в сути – тоже общество в рамках общества). Эти критерии отграничивают «либеральную партию» (в широком смысле слова) от консервативной «справа» и радикальной «слева», делая фактически «партией центра».

Именно адептов такой, «*центристской*», позиции следует признавать либералами. Естественно либерализм будет неоднороден – он может быть консервативным, радикальным, умеренным, различаясь степенью предполагаемой *свободы личности*, а так же способом и сроками её обретения. Но это уже, выражаясь словами К. Кауцкого, «вопрос не стратегии, а тактики» – вопрос принадлежности мыслителя не к той или иной идеологии, а лишь к тому или иному её направлению.

С точки зрения такого «широкого» (или «размытого») подхода (которым, кстати, пользовались и сами теоретики XIX в.)⁴⁰ Б.Н. Чичерина следует признать адептом либерализма во всех трёх его ипостасях (экономической, политической и философской). С экономической точки зрения всё, вроде бы, ни у кого возражений не вызывает.⁴¹

Что же касается политического и философского аспектов его либерализма, то они на лицо. Чичерин выступает за расширение свобод личности и проведение реформ – и уже поэтому он

либерал! То, что предлагаемые реформы достаточно осторожны, а самодержавие и сословный строй (что практически неразделимо) признаются всё ещё жизнеспособными общественными элементами, показывает лишь хорошее понимание автором специфики социально-политической ситуации, сложившейся в России в третьей четверти XIX в.

«Не признавая *принципов*, заимствуя *частности*»⁴² – так охарактеризовал Пустарнаков отношение учение Чичерина к собственно либерализму. Струве отмечал как основу учения Чичерина «сочетание порядка и свободы в применении к историческому развитию и современным потребностям»⁴³, то есть сочетание *принципов* либерализма и специфики исторического времени и пространства, к которым эти *принципы* применяются. Это и определяет переменные *частности* в виде скорости, методов и пределов преобразований, которые при любом раскладе остаются *либеральными*.

Это всё в полной мере подтверждается материалами сборников «Голоса из России». Так в отмене крепостного права Чичерин видит возвращение исконных политических и естественных прав (здесь уже затронут и философский аспект) крепостным крестьянам. «Богатство нескольких сот тысяч человек (помещиков – С.Р.) не может идти в параллель с благосостоянием 22 миллионов подданных (крепостных крестьян – С.Р.)...»⁴⁴ Итак, приоритет определяется числом, а не происхождением, ибо люди, в первую очередь, наделены естественным правом. Это подтверждает либерализм Чичерина – политический и философский – и опровергает идею Пустарнакова о его продворянской позиции.⁴⁵

Таким образом, Чичерина можно определить как представителя консервативного, правого, охранительного или дворянского *либерализма*. Перечисленные названия течений либерализма близки друг другу по смыслу и, главное, являются именно течениями (видами) либерализма, поэтому конкретизация вопроса принадлежности мыслителя к одному из них зависит лишь от критериев деления либерализма на течения и личных пристрастий исследователей. Очевидно лишь то, что Чичерин был либералом.

Теперь обратимся к рассмотрению взглядов либералов, которых нельзя со всей определённой отнести к западническому направлению – Н.И. Тургенева и И.И. Панаева. Следуя общепринятой концепции о делении либералов до 1861 г. на западников и *славянофилов*,⁴⁶ их можно условно обозначить как славянофилов. Пустарнаков утверждает, что славянофилы вообще не могут считаться либералами, а являются представителями консерватизма.⁴⁷ С этим нет необходимости спорить.

В таком случае, Н.И. Тургенева и И.И. Панаева правильнее всего было бы обозначить как представителей «*незападнического*» либерализма. Конечно, это своего рода игра слов, на подобии «охранительного либерализма» и тому подобного. Однако именно такая формулировка представляется наиболее точной. Если обратить внимание на «программу» славянофилов,⁴⁸ то её трудно назвать либеральной и столь же трудно сказать, что она была достаточно полно представлена в статьях Н.И. Тургенева и И.И. Панаева.

В то же время апелляции этих авторов к патриархальности, общинности, другим традиционно русским социо-культурным институтам, их не доверительное отношение к буржуазным, частнособственническим ценностям Запада не даёт права относить их к тому же направлению, что и Чичерина, Кавелина, Серно-Соловьёвича и других западников. Но при этом, учитывая всё выше изложенное, этих двух авторов нельзя не признать либералами, ибо они старательно пропагандировали преобразования «сверху» и раскрепощение (пусть и постепенное) личности, видя это опять-таки в экономической, политической и философской плоскости, что наглядно показывают их статьи в сборниках «Голоса из России».

Статьи Н.И. Тургенева и И.И. Панаева существенно различаются в подходах к способу проведения преобразований, но мы не будем это сейчас рассматривать. Если же обратиться к пониманию двумя авторами смысла реформы, то здесь можно обнаружить много общего. Оба автора видят «посткрепостническую» деревню обителью владеющих и пользующихся землёй государственных крестьянских общин, что будет отвечать традициям и обычаям русского народа.⁴⁹

Согласуется ли это с либеральным принципом освобождения? Конечно. Хоть и маленький, но шаг к свободе личности. Тургенев так и пишет: надо, чтобы «идея освобождения осуществилась бы в понятии народном».⁵⁰ Причём очевидно, что это шаг к освобождению в экономической, политической и философской плоскости. Однако такая стратегия построения преобразовательного проекта коренным образом отличается от стратегии славянофилов и западников.

Кажется, что такой взгляд близок славянофилам, но здесь совершенно отсутствует свойственное им, как отмечал Бердяев, глубокое философское осмысление специфики и уникального исторического пути русско-православной цивилизации.⁵¹ Авторы это не интересует – им важна разработка конкретной, необходимой для их страны реформы. Поэтому при всех кажущихся сходствах их статьи – это не философские, а исторические эссе, не размышления на тему, а конкретные, пусть и с большими недостатками, проекты. В этом коренное отличие от подхода славянофилов.

Казалось бы, тогда это должно сближать авторов со стратегией западников, рассмотренной выше, но и здесь имеются весьма глубокие, принципиальные различия. Если западники сразу требовали перехода к *личной* свободе и *частной* собственности, то Н.И. Тургенев и И.И. Панаев стоят за переход к *общинной* свободе и *общинной* собственности. Такой путь можно воспринимать, как аналогичный западническому, но более медленный. Даже в этом случае различные количественные характеристики предлагаемых реформ явно будет влиять на их качественное содержание.

Однако здесь же можно обнаружить и коренное расхождение двух стратегий. Предложения западников выражают стремления двигаться вперёд по пути прогресса и построения буржуазного общества. Поэтому им нужен переход к *личной* свободе и *частной* собственности – свобода и собственность общин уже существовали в прошлом – это пройденный этап. Н.И. Тургенев и И.И. Панаев как раз и стоят за это и их предложение – это предложение сделать шаг *назад*. Даже сама отмена крепостного права понимается как борьба с нововведением – частной собственностью.⁵²

Вот как Панаев выразил смысл будущей реформы: «Реформа вызывается только необходимостью восстановить отступление от естественных законов. Не очевидно ли, что реформа быта помещичьих крестьян должна заключаться в том, чтобы дать им личную свободу, не касаясь тех основных начал быта, о которых мы говорили выше (община – С.Р.), и которые составляют общее достояние и жизненную силу всего народа».⁵³ Автор сам осознаёт свой проект шагом назад.

Н.И. Тургенев не высказывается аналогичным образом, но смысл проекта от этого не меняется – автор всё равно настаивает на общинном землевладении,⁵⁴ а аграрная страна, состоящая из вольных, но замкнутых в себе общин – это уже шаг назад. В отличие от условий личной свободы и частной собственности, при таком раскладе невозможно полноценное буржуазное развитие, а значит и ликвидация отставания в социально-экономической сфере от Западной Европы.

Если даже абстрагироваться от сравнения с Западом, такие проекты тормозили дифференциацию крестьян, появление крепких собственников, рост технической оснащённости сельского хозяйства, развитие промышленности и торговли, повышение благосостояния населения вообще, что являлось главной целью всех авторов статей. Такое противоречие между конечной и промежуточной целями может свидетельствовать лишь о некомпетентности мыслителей в вопросах экономики.

Несколько особняком стоит автор статьи «Письмо к издателю Колокола», чья личность до сих пор не установлена. На взгляд неизвестного автора «...в экономическом отношении крепостное право было полезно», так как крестьянство кормило помещиков, платило налоги и производило экспортный хлеб, следовательно, система хозяйствования была вполне рентабельна.⁵⁵ В рамках сборников этот взгляд можно признать уникальным.

Интересно сравнить такую точку зрения с концепцией Унковского, требовавшего коренных социально-экономических преобразований (подробнее данный проект был рассмотрен ранее). Эти две, на первый взгляд, диаметрально противоположные позиции имеют очень важную точку

соприкосновения, объясняющую их видение экономической составляющей реформы и лежащую, преимущественно, в основе рассмотрения её социального аспекта.

Оба автора единодушно указывают на возможность «перезакрепления» крестьян правительственной бюрократией всех уровней, что приведёт к полному разорению, как крестьян, так и помещиков.⁵⁶ Однако пути решения проблемы у них разные: Унковский предлагает свой проект для оптимального проведения реформ, а неизвестный автор объявляет преобразования заведомо губительными и «умывает руки».⁵⁷

Опасения обоих авторов фактически сводятся к боязни и нежеланию замены традиционной двухуровневой структуры Российского государства на единую. Традиционная структура (так называемая, «вотчинная») состояла в том, что Россия представляла собой «вотчину» Романовых, распадавшуюся на множество помещичьих вотчин низшего порядка. Теперь, по мнению авторов, правительство собиралась подчинить себе всю страну, ликвидировав промежуточный уровень управления – дворянский класс.⁵⁸

Неизвестный автор указывает на две альтернативы для дворян: либо они «...с сумой пойдут основывать колонии в киргизских степях», либо вольтуют в местную государственную бюрократию и сохраняют, таким образом, свою власть над крестьянами, хотя и в меньших масштабах.⁵⁹

Унковский смотрит на проблему несколько иначе и видит в унификации государственной и общественной структуры страны явно позитивный момент, необходимый на данном этапе исторического развития. Однако он опасается неправильного проведения реформ, то есть ущемление интересов дворянства, и поэтому предусматривает за своим сословием сохранение господствующих позиций: «Поместное дворянство, просвещённое более всех сельских сословий, одно может руководить и вразумлять народ в исполнении правительственных распоряжений» (далее приводится ряд необходимых дворянству привилегий).⁶⁰

Здесь явно прослеживаются стремления дворян-помещиков защитить свои «классовые интересы». Очевидно, что указанный фактор имел большое значение, и в этом нельзя не согласиться с исследователями марксистской школы.⁶¹ Да и не могло быть иначе: в период глубоких социальных сдвигов каждая группа вынуждена отстаивать свои интересы.

Помимо статей Унковского и неизвестного автора, указания на необходимость ограждения дворянских интересов можно встретить в работах Чичерина⁶² и Кавелина,⁶³ Панаева⁶⁴ и Тургенева.⁶⁵ Надо, правда, отметить, что в статьях Унковского и неизвестного автора указанная тенденция прослеживается значительно чётче, тогда как другие либералы стремятся оградить интересы помещиков лишь в плане защиты всех задействованных сторон.

Возможно, причина такого разделения – более близкий контакт первых двух авторов с крестьянами, более тесная связь с сельским хозяйством и, как следствие, большая заинтересованность в ограждении помещичьих, то есть своих, интересов. С точки зрения марксистского формационного подхода, это можно объяснить обострением сословно-классового антагонизма при более тесных экономических контактах.

Бердяев указывал, что русской интеллигенции вообще было свойственно «настроение – любовь к “дальному”, а не любовь к “ближнему”». ⁶⁶ Под «дальними» в данном случае следует понимать крестьян, с которыми авторы могли лично не соприкасаться и любить их «издали», быть «за народ, но без народа».

Итак, именно в этом ключе – отстаивания, в той или иной степени, своих сословно-классовых интересов – на наш взгляд, и следует рассматривать трактовку и понимание либералами каждого из приведённых аспектов:

- Наличие нравственного аспекта объясняется «комплексом вины» русской интеллигенции перед своим народом,⁶⁷ который понимался, прежде всего, как крестьянство.⁶⁸
- Экономический аспект также волновал либералов постольку, поскольку подразумевал развитие страны по пути капитализма и, соответственно, обогащение господствующих классов и государства за счёт новых форм эксплуатации трудового населения.
- Социальный аспект понимался, прежде всего, как решение вопроса о *различной* степени правовой эмансипации *различных* слоёв общества.

Очевидно, что именно социальный аспект оставляет наибольшее поле для дискуссии, поэтому из него и вырастает один из самых проблемных вопросов статей - вопрос о смысле и роли реформы в историческом процессе в России в целом. Интересно сравнить ответы на него неизвестного автора и Унковского.

Унковский рассматривает реформу как составной элемент прогрессивного развития русского государства. Таким образом, смысл и роль реформы в историческом процессе в России в целом сводится к определению её как фундамента и катализатора для коренных преобразований в российском обществе и государстве.⁶⁹

Неизвестный автор рассматривает историю России как процесс последовательного закрепощения всех групп населения верховной властью. Соответственно, данная реформа – тоже звено этого процесса. Смысл этого звена заключается в переводе крепостных из-под контроля помещиков под контроль государства.

Крестьяне, таким образом, сразу оказываются под гнётом государства, а помещики лишаются средств к существованию (на выкуп то ни у крепостных, ни у правительства денег нет) и тоже оказываются вынужденными служить верховной власти на любых условиях. Так что реформа оказывается никому в стране не выгодной: государство разоряет и крестьян и дворян в свою пользу, что ведёт первых к обнищанию, а вторых – к деградации.⁷⁰

Автор абсолютно не предполагает никаких положительных последствий реформы в сфере социально-экономического развития. Такой скепсис и пессимизм резко контрастирует с настроениями подавляющего большинства либералов (в т. ч. всех остальных авторов статей сборника), однако, видимо, был свойственен определённой группе поместного дворянства. В связи с этим требует уточнения вопрос о характеристике личности автора приведённой концепции. По этому поводу можно сделать ряд замечаний.

1. М.В.Нечкина и Е.Л.Рудницкая указывают на близость статьи по духу идеям Чаадаева.⁷¹ В статье разрабатывается идея неполноценности русской нации: «Труд, бережливость, честность, право – идеи, русскому человеку непонятные. Царская милость, барская спесь – вот предел стремлений, цель его жизни; лакейство и плутовство – пути или средства для её достижения».⁷²
2. Автор в доказательство своих взглядов периодически обращается к истории, но его данные бывают неточными, например, он полагает, что татары впервые «...заставили наших князей собирать дань и чеканить монету».⁷³
3. Автор приводит экономические выкладки о выгодности крепостного права (в т. ч. для крестьян) и полной невозможности заплатить какой-либо выкуп помещикам,⁷⁴ что заставляет усомниться в его осведомлённости.
4. Приводятся сведения о различных злоупотреблениях чиновников, вплоть до высшего ранга (Панин, Чевкин),⁷⁵ основанные, по всей видимости, на слухах.
5. В рассмотрении притеснений народа со стороны правительства – бывших и готовящихся – особое внимание уделено судьбе дворянства,⁷⁶ так что складывается впечатление, что это самая обиженная категория населения.
6. Автор требует достаточно радикальных политических реформ (контроль выборного представительного Государственного Совета над всем законодательством), но проект недостаточно проработан.⁷⁷

На основании этого можно сделать некоторые выводы об авторе статьи. По всей видимости, это дворянин, вероятно, владеющий помещьем, малым или средним. Можно предположить, что поместье находилось в чернозёмной полосе и приносило какой-то доход, но сам хозяин там появлялся редко, что и обусловило идиллические представления о крепостном праве.

Автор в некоторой степени был знаком с трудами теоретиков-либералов или даже утопистов, но это знакомство поверхностное и в статье систематически проявляются серьёзные пробелы в образовании автора. Он, скорее всего, находился на государственной службе в столичном городе (отсюда такая оторванность от поместья), но в невысоком чине – он пользуется неполными официальными данными, ошибочной статистикой.

Незначительность его должности помимо скудной информированности подтверждает и тот факт, что автор очень дорожит крепостным правом, видя в этом основной источник дохода в настоящем или будущем. Таким образом, это ориентировочное описание может приблизительно обрисовать круг социальных групп, взгляды которых может частично отражать данная анонимная статья.

Итак, теперь по итогам рассмотрения понимания либералами смысла предстоящей крестьянской реформы на материале сборников «Голоса из России» можно сделать ряд суммирующих выводов.

Во-первых, содержание статей убедительно доказывает, что *всех авторов можно считать приверженцами либерализма* и по этому вопросу нельзя согласиться с В.Ф. Пустарнаковым, видевшим во многих из них представителей консервативных течений.

К слову, высказки Н.И. Тургенев и И.И. Панаев или, например, Б.Н. Чичерин, в прямом смысле консервативные идеи, Герцен и Огарёв их бы никогда не опубликовали. Об этом убедительно сказал А.И. Герцен во вступительной статье сборника «От издателя»: «Мы исключаем одно то, что будет писано с целью упрочить современный порядок дел в России, ибо все усилия наши только к тому и устремлены, чтобы его заменить свободными и народными учреждениями»⁷⁸.

Во-вторых, если говорить о конкретизации направлений либерализма, к которым принадлежали авторы статей, то следует отметить, что большинство из них стремились оградить интересы дворян-помещиков, ущемить права таким образом права крестьян, сохранить многие патриархальные институты, то есть демонстрировали в своих концепциях явно консервативные элементы. Поэтому их целесообразно было бы *отнести к представителям консервативного, правового, охранительного или дворянского либерализма*. Для разных авторов окажутся наиболее точными различные термины из приведённого ряда.

Из общего фона выбивается проект Н.А. Серно-Соловьёвича, ничем не обнаружившего в своей статье стремления защитить права и привилегии благородного сословия, а наоборот, предложивший «конституцию», основанную, прежде всего, на уравнительных принципах. Это даёт основания считать автора представителем более радикального крыла либерализма, нежели остальные.

Наконец, на основании различного понимания либералами смысла предстоящей крестьянской реформы можно сгруппировать авторов статей по подходам к решению данной проблемы.

1. В первую группу выделяются либералы *«незападнического»* толка – Н.И. Тургенев и И.И. Панаев. Их концепции имеют много общего и наделены схожими отличительными чертами от идей как западников, так и славянофилов. Им свойственно достаточно *узкое* понимание предстоящей реформы – помимо исправления нравственного извращения, что отмечалось почти всеми авторами, они видели в ней преобразование в области социально-экономических отношений в деревне.
2. Во вторую группу попадают *западники* – Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин. Их взгляд на реформу был более широк – он вышел за рамки чисто аграрных отношений и включал в себя так же необходимость кардинальных перемен в ходе *всего социально-экономического развития* страны.
3. Наибольшей широтой восприятия грядущих преобразований отличались концепции наиболее *радикальных либералов* А.М. Унковского и Н.А. Серно-Соловьёвича, предусматривавших *коренное преобразование всего государственного строя*, толчком и основой для которого должна была стать крестьянская реформа.

Несколько особняком стоит позиция не установленного автора статьи «Письмо к издателю “Колокола”». По степени широты восприятия предстоящей реформы эта позиция наиболее близка первой группе – «незападникам». В целом данную точку зрения можно назвать очень специфичной среди авторов сборников.

Отвечая на вопрос, что же послужило причинами разделения авторов статей на указанные группы и появления других специфических особенностей их работ, следует назвать целый ряд причин.

1. Во-первых, это общая идеологическая база мыслителей. Вполне очевидна связь между *принадлежностью авторов к определённому течению либерализма* и характером восприятия ими предстоящей реформы. Это показывает, что на примере рассмотрения заявленной проблемы вполне возможно отвечать на некоторые более широкие вопросы, касающиеся принадлежности различных мыслителей к тем или иным направлениям либерализма и вообще общественной мысли.
2. Во-вторых, очевидно, что авторы, наиболее близко соприкасавшиеся с социально-экономическими отношениями в деревне (Унковский и не установленный автор), были значительно больше озабочены отстаиванием дворянско-помещичьих привилегий, нежели те, кто не был непосредственно связан с жизнью имений.
3. В-третьих, значительно большая осведомлённость в вопросе западников и Серно-Соловьёвича в теоретической плоскости и Унковского – в практической позволила им создать наиболее продуманные и развёрнутые проекты. Таким образом, образовательный уровень, несомненно, отразился на характере и содержании статей.
4. В-четвёртых, можно предположить, что западники, восприятие реформы которых оказалось уже, чем у радикальных либералов, так же как и последние видели отмену крепостного права в начале и основании коренных преобразований государственного строя, но преднамеренно опустили это в своих проектах из тактических соображений, рассмотренных выше. Это подтверждается тем, что в статьях, где Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин приводят свои долгосрочные проекты всесторонних преобразований, на первом месте среди них всегда стоит решение крестьянского вопроса, а уже затем идут пункты, касающиеся гражданских и политических прав и свобод.⁷⁹
5. И, наконец, в-пятых, во взглядах либералов можно проследить влияние идей более ранних мыслителей, что уже отмечалось в отечественной историографии.⁸⁰ В рассматриваемых статьях, например, на взгляде неизвестного автора статьи «Письмо к издателю “Колокола”», как уже указывалось, ясно виден отпечаток концепции Чаадаева.

¹ Нечкина М.В., Рудницкая Е.Л. Комментарии. // «Голоса из России». Репринтное издание. Наука. М., 1975. Т. 10.

² Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России. М.: Издательство политической литературы. 1991. С. 18.

³ За основу взято: Смысл // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1985. С. 640.

⁴ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение. 1968.

⁵ Литвак Б.Г. Указ. соч.

⁶ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга. 1989.

⁷ Серно-Соловьёвич Н.А. Проект действительного освобождения крестьян. // «Голоса из России». Репринтное издание. Наука. М., 1975. Т. 8 С. 44. Унковский А.М. Соображения по докладам редакционных комиссий. // «Голоса из России». Репринтное издание. Наука. М., 1975. Т. 9. С. 37. Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Т. 6. С. 131.

⁸ Унковский А.М. Указ. соч. С. 5 – 6.

⁹ Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России... 1975. Вып. 2. С. 131.

¹⁰ Чичерин Б.Н. О крепостном состоянии // Голоса из России. Т. 2. С. 134 – 135.

¹¹ Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 34.

¹² Тургенев Н.И. Об устройстве удельных имений с целью уничтожения крепостного права. // «Голоса из России». Репринтное издание. Наука. М., 1975. Т. 6. С. 88.

¹³ Панаев И.И. Об освобождении крестьян в России. // Голоса из России Т. 5. С. 9 – 10.

¹⁴ Чичерин Б.Н. О крепостном состоянии // Голоса из России. Т. 2. С. 154.

¹⁵ Панаев И.И. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Панаев И.И. Указ. соч. С. 11.

¹⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 154.

¹⁸ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 154. Панаев И.И. Указ. соч. С. 9 – 10.

¹⁹ Панаев И.И. Указ. соч. С. 12.

²⁰ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 88. Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 34.

-
- ²¹ Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 134. Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 130 – 131. Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 115.
- ²² Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 198. Кавелин К.Д. Государственное крепостное право в России. // «Голоса из России». Репринтное издание. Наука. М., 1975. Т. 3. С. 115 – 131. Унковский А.М. Указ. соч. С. 189. Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 35.
- ²³ Унковский А.М. Указ. соч. С. 38.
- ²⁴ Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 25 – 44.
- ²⁵ Унковский А.М. Указ. соч. С. 38.
- ²⁶ Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 7.
- ²⁷ Кавелин К.Д. Указ. соч. С. 115 – 131.
- ²⁸ Дьяков В.А. Освободительное движение в России 1825 – 1861 гг. М.: Мысль. 1979. С. 113. Голиков В. К 170-летию со дня рождения Б. Н. Чичерина. // http://www.ibci.ru/gf/pages/Golikov_statya9.htm. 24.04.2004. 12:55.
- ²⁹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 198.
- ³⁰ Панаев И.И. Указ. соч. С. 13. Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 88.
- ³¹ Серно-Соловьёвич Н.А. Указ. соч. С. 25 – 44. Унковский А.М. Указ. соч. С. 38.
- ³² Чичерин Б.Н. Письмо к издателю «Колокола». С. 17 – 18. Цит. по: Струве П. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности. // <http://www.peter-club.spb.ru/point/struve1.html>.
- ³³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. С. 30.
- ³⁴ Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный Двор. 2002. С. 88 – 90.
- ³⁵ Струве П. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности. // <http://www.peter-club.spb.ru/point/struve1.html>.
- ³⁶ Голиков В. К 170-летию со дня рождения Б. Н. Чичерина. // http://www.ibci.ru/gf/pages/Golikov_statya9.htm. 24.04.2004. 12:55.
- ³⁷ Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 22.
- ³⁸ Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 15 – 16 и 85 – 90.
- ³⁹ Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 6 – 8.
- ⁴⁰ Чичерин Б.Н. и Кавелин К.Д. Письмо к издателю // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 1. С. 9 – 36. Чичерин Б.Н. Об аристократии в особенности русской // Голоса из России. Т. 3. С. 100 – 105. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Т. 4. С. 111. Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 84.
- ⁴¹ Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 88.
- ⁴² Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 89.
- ⁴³ Чичерин Б.Н. Письмо к издателю «Колокола». С. 7 – 8. Цит. по: Струве П. Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности. // <http://www.peter-club.spb.ru/point/struve1.html>.
- ⁴⁴ Чичерин Б.Н. О крепостном состоянии // Голоса из России. Т. 2. С. 202.
- ⁴⁵ Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 90.
- ⁴⁶ Дьяков В.А. Указ. соч. С. 112. Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁷ Пустарнаков В.Ф. Указ. соч. С. 16.
- ⁴⁸ Дьяков В.А. Указ. соч. С. 114 – 118.
- ⁴⁹ Панаев И.И. Указ. соч. С. 15 – 17. Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 83 – 85.
- ⁵⁰ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 86.
- ⁵¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 25.
- ⁵² Панаев И.И. Указ. соч. С. 12.
- ⁵³ Панаев И.И. Указ. соч. С. 24 – 25.
- ⁵⁴ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 84.
- ⁵⁵ Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 2. С. 131.
- ⁵⁶ Унковский А.М. Указ. соч. С. 36. Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 6. С. 131.
- ⁵⁷ Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 2. С. 131.
- ⁵⁸ Унковский А.М. Указ. соч.; Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 6.; Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга. 1989.
- ⁵⁹ Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 6. С. 132.
- ⁶⁰ Унковский А.М. Указ. соч. С. 50 – 55.
- ⁶¹ Дьяков В.А. Указ. соч. С. 112 – 117. Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 101. Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 53.
- ⁶² Чичерин Б.Н. О крепостном состоянии // Голоса из России. Т. 2. С. 175 – 189.
- ⁶³ Чичерин Б.Н. и Кавелин К.Д. Письмо к издателю // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 1. С. 21.
- ⁶⁴ Панаев И.И. Указ. соч. С. 143.
- ⁶⁵ Тургенев Н.И. Указ. соч. С. 87 – 88.
- ⁶⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 27.
- ⁶⁷ Там же. С. 49.
- ⁶⁸ Там же. С. 25. Унковский А.М. Указ. соч. С. 107.
- ⁶⁹ Унковский А.М. Указ. соч. С. 38.
- ⁷⁰ Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 6. С. 131 – 132.
- ⁷¹ Нечкина М.В., Рудницкая Е.Л. Комментарии. // «Голоса из России». Т. 4. С. 226.

⁷² Письмо к издателю «Колокола» // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 2. С. 124 – 125.

⁷³ Там же. С. 126.

⁷⁴ Там же. С. 131.

⁷⁵ Там же. С. 132 – 134.

⁷⁶ Там же. С. 122 – 134.

⁷⁷ Там же. С. 135.

⁷⁸ Герцен А.И. От издателя. // Голоса из России. Кн. 1. М.: Наука, 1975. С.7.

⁷⁹ Чичерин Б.Н. и Кавелин К.Д. Письмо к издателю // Голоса из России. Наука. М., 1975. Т. 1. С. 21 – 23. Чичерин Б.Н.

Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Т. 4. С. 112 – 129.

⁸⁰ Дьяков В.А. Указ. соч.; Пустарнаков В.Ф. Указ. соч.